

№12 (95) 2012

Религиозно-патриотическая газета Православного
прихода во имя прп. Серафима Саровского

Саровский Листок

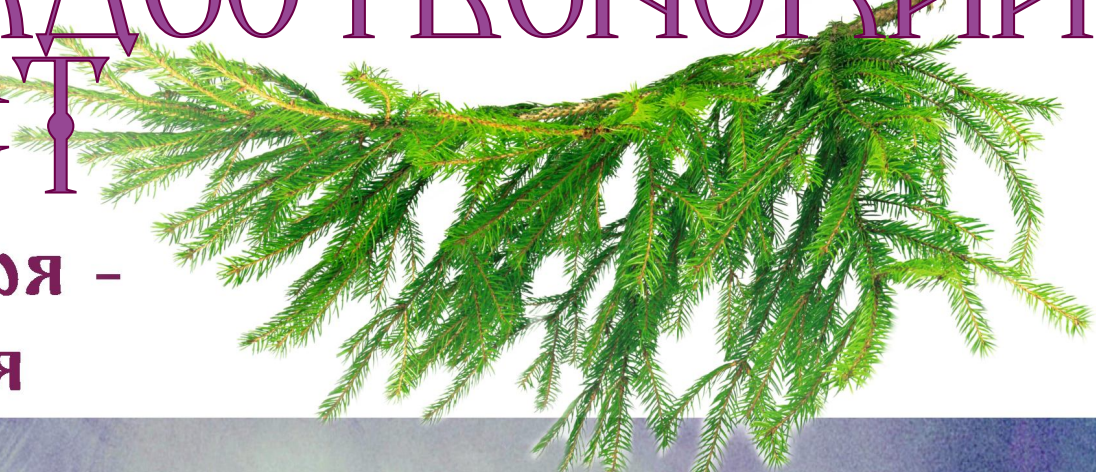
Издаётся по благословению Преосвященного Тихона,
епископа Южно-Сахалинского и Курильского

В номере

- стр.2 Рождественский пост - дорога к радости
- стр.4 Введение Богородицы во храм
- стр.6 Телевизор - инструмент управления
- стр.8 Офис: коллектив против индивида
- стр.10 Заговины
- стр.12 Постный стол

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ПОСТ

28 ноября -
6 января

4 декабря

ВВЕДЕНИЕ

Рождественский пост – дорога к радости

28 ноября в Православной церкви начинается один из четырех «долгих» постов – Рождественский. Он продлится целых сорок дней и закончится в праздник Рождества Христова, в ночь на 7 января. Рассказываем, как возник этот пост, какие на него приходятся праздники, как его правильно провести, и, в особенности, как поститься в новогоднюю ночь

Рождественский пост – один из самых древних в истории Церкви. Первые упоминания о нем встречаются в источниках IV в. О нем упоминают свт. Амвросий Медиоланский, Филастрий, блаженный Августин. Это означает, что пост, возможно, появился еще раньше, во времена римских гонений на Церковь.

Как семь дней превратились в сорок

Изначально он длился всего лишь семь дней (у некоторых христиан – больше), но в 1166 году, при императоре Мануиле Комнине Константинопольский патриарх Лука Хрисоверг определил держать Рождественский пост сорок дней. Это имело свой резон: праздник Рождества Христова по своему значению для дела нашего спасения почти не уступает празднику Воскресения, и путь подготовки к нему должен нести определенное символическое значение. А именно сорок дней в Писании всегда предваряют великие события: вспомнить хотя бы посты пророков Моисея и Илии или сорокодневное воздержание от пищи Самого Иисуса Христа перед выходом на проповедь... Если сам по себе пост подчеркивает значимость события, то сорок дней означают особое приготовление к нему, необходимость сугубой духовной «настройки».

Итак, с XII века Рождественский пост в Православной Церкви стал «малой» четырехдесятницей, уступающей лишь четырехдесятнице «великой» – посту перед Пасхой. В прежнем виде пост сохранился до наших дней у некоторых дохалкидонских церквей. Так Армянская Апостольская Церковь держит Рождественский пост «по-старинке», семь дней, с 30 декабря по 5 января. Рождество у армян также, в соответствии с древним обычаем, объединено в один праздник с Крещением Господним и празднуется шестого января. В тот же день, что отмечают Крещение и поместные Православные Церкви, использующие новый стиль.

Другое название этого поста – Филиппов, или, по-простонародному – Филипповки. Связано это с тем, что за день до его начала, 27 ноября, празднуется память одного из двенадцати Христовых апостолов – апостола Филиппа. Этот день считается заговением перед постом (если только не выпадает на среду или пятницу, в таком случае заговение переносится на сутки назад – на 26 ноября).

Интересно, что два древних литургических памятника – отрывок Готского месяцеслова IV - V веков и Типикон императора Константина VII Багрянородного, написанный в X веке, относят день памяти апостола Филиппа на 28 ноября (15 по ст.стилю). По всей видимости, в то же время, когда пост стал сорокадневным, дата воспоминания об апостоле была «сдвинута» на день для того, чтобы предварять собой Рождественский пост, а не накладываться на него. Все-таки странно начинать пост с праздника.

Филипп – не единственный апостол, чей день памяти приходится на Рождественский пост. 29 ноября Церковь празднует память апостола и евангелиста Матфея, а 13 декабря, почти ровно посередине поста – апостола Андрея Первозванного.

В ожидании Спасителя

Неприменно надо вспомнить, что именно Рождественским постом 4 декабря празднуется один из великих двенадцатых праздников Православной Церкви – Введение во Храм Пресвятой Богородицы.

Неслучайно дата, связанная с прекрасным преданием о Деве Марии, ее введении первосвященником в Святой Иерусалимский храм, и проведенных при храме детства и ранней юности, попала именно на дни, предваряющие Рождество. Когда же еще вспоминать о земной истории Матери Спасителя? Можно сказать, что вся Ее жизнь до самого дня Рождества была непрерывным Рождественским постом, приготовлением к величайшему событию истории.

«...почему Избранная с начала века среди избранных оказалась Святою из святых. Имевшая Своё тело чище самих очищенных добродетелью духов, так что оно могло принять Само Ипостасное Слово Пребезначального Отца, — Приснодева Мария, как Сокровище Божие, по достоянию ныне помещена была во Святое святых, чтобы в надлежащее время, как и было, послужить к обогащению и к премирному украшению», — писал о Пречистой Деве свт. Григорий Палама.

На Введение впервые поется радостная песнь, которая будет звучать до Рождества и возвещать о скором рождении в мир Спасителя: «Христос рождается, славите! Христос в небе, срящите (встречайте – церковнослав.)! Христос на земле, возноситеся! Пойте Господеви, вся земля, И веселием воспойте, людие, Яко прославися».

Пост буквально усыпан днями памяти ветхозаветных пророков. Здесь и Даниил, первым открывший, что Сын Человеческий придет в мир, и «малые» пророки - Авдий, Наум, Аввакум, Софония. Это безупречно с точки зрения символики и церковной истории: ведь именно писания пророков предваряли воплощение Бога Слова, и весь Ветхий завет усеян предсказаниями о том, что Он станет плотью и будет обитать с нами. Недаром Сам Господь призывает: *«Исследуйте Писания, ибо вы думаете чрез них иметь жизнь вечную; а они свидетельствуют о Мне».* (Ин., 5:39).

Иными словами, Рождественский пост весь словно соткан из дней памяти тех, кто готовил народ Израиля к явлению Мессии-Спасителя. И нам он дается как «краткий курс» подготовки к Рождеству: надлежит вспомнить, что писали по этому поводу ветхозаветные пророки, вспомнить, как жила Мать Божия.

Как поститься в Рождественский пост

На Рождественский пост выпадают не только церковные, но и светские праздники. И в первую очередь это, конечно же, главный «камень преткновения» - Новый год. Как назло, празднуется он за неделю до Рождества - в то время, когда православным христианам следует держать пост особенно сурово.

Стати, а как же следует его держать? Схема, которую предписывает Церковь, весьма сложна: она делит пост на три отрезка, и у каждого свои правила. Они так многочисленны и строги, что мирянам удержать их весьма сложно. В определенные дни дозволяется рыба и вино (в умеренных дозах!), зато по средам и пятницам положено строгое сухоядение, в зависимости от праздников и дней недели рассчитывается: можно ли горячую растительную пищу с растительным маслом или без него...

По-настоящему строго пост держат монахи, мирянам доз-

воляются кое-какие послабления. Следует помнить главное: во все дни поста исключаются мясные, молочные продукты и яйца.

Но что же делать православному, если хочется и пост держать – и с близкими, за накрытый новогодний стол зовущими, не рассориться? Мнения, конечно, на этот счет есть разные – от самых радикальных, до самых «толерантных», поэтому лучше всего посоветоваться со своим духовником, как провести Новый год.

Впрочем, возможно, что главное искушение праздничного новогоднего стола – не зазывно выглядящее мясо, не аппетитная курочка и не сыры-колбаски, а собственное настроение и отношение к невоцерковленным близким, которые едят всякую вкуснятину без малейших угрызений совести.

Наверное, нет ничего хуже «правильно постящегося» христианина, который сидит за новогодним столом с видом великого святого и в душе (а то и вслух) осуждает веселящихся. Мяса не поел, зато осуждением нагрешил «от души». Много ли пользы в таком посте? Недаром же старцы говорят, когда их настойчиво спрашивают о «диете» поста: «Вы хоть мясо ешьте, только друг друга не ешьте».

Вспомним пример святителя Спиридона Тримифунтского, чья память приходится на 25 декабря, т.е. на время Рождественского поста. Он сам постился строго, но, когда к нему пришли усталые странники без колебаний поставил перед ними запасенное свиное мясо, и сам ел вместе с ними, чтобы не смущать их. В Церкви есть такое определение: «царский путь», ровное поступательное движение вперед без уклонения направо или налево. Применительно к посту этот царский путь состоит в строгости к себе и милости к ближнему, установленном при обсуждении с духовником подвиге в меру, без надрыва и экзальтации, но и без неоправданного послабления.

Главный смысл поста – совсем не довести себя до голодного истощения. Это даже Церковью осуждается, а если, не дай Бог, кто насмерть себя во время поста уморит – так и вовсе считается за самоубийство. Суть в том, чтобы дисциплинировать организм, взять себя в руки, от обычного расслабленного, потакающего себе состояния перейти в иной, духовный режим.

Здесь мера у каждого своя и «внимать» следует исключительно себе, не следя за своим ближним.

Но это вовсе не значит, что можно совершенно расслабиться и во всем себе попустительствовать, держа лишь «духовный пост». Каждый сам определяет для себя, можно или нет уступать просьбам пойти за праздничный стол и разделить праздничную трапезу. Главное – чтобы от отказа никому не было больно и обидно. Можешь держать пост, не осуждая и не превозносясь, умеешь тактично отказать тем, кто зовет тебя оскоромиться – делай так. Не можешь – тогда лучше сотворить «меньшее зло», чем большее.

В конце концов, не все бегуны, бегущие марафон, получают медали, а только самые стойкие. Но до финиша доходят все-таки все, и то, что ты не первый и не лучший – вовсе не повод сходить с дистанции.

Но на что точно следует положить для себя строгий запрет – так это на излишнее бездумное веселье, на неумеренные возлияния и всякие языческие игрища вроде встречи «года Змеи» или еще какой восточной живности. А то в праздничной суматохе того и гляди ненароком отречешься от христианства ради всеобщего веселья. Для души это будет травма куда серьезнее, нежели небольшое отступление от поста.

Ну, а чтобы надежно воздержаться от искушений (по крайней мере, в саму новогоднюю ночь) – можно провести праздничные часы в храме. Там-то уж точно не предложат ничего скоромного, да и что может быть лучше, чем начать год общецерковной молитвой и причаститься.

Но до новогодней ночи еще далеко, а пока что мы только вступаем на дорогу Рождественского поста. И впереди, как теплые огоньки в зимнем окне, нам светят праздники: Введение во храм Богородицы, день апостола Андрея Первозванного, день святителя Николая – «Никола Зимний» (19 декабря), как любовно звали его на Руси и святителя Спиридона... Пусть они помогут не сбиться с пути, а если кто и оступится – снова выбраться на прямую дорогу, ведущую к светлому празднику Христова Рождества.

Введение Богородицы во храм: Перемещение центра тяжести жизни

Когда-то, во времена еще не столь давние, но, как кажется иногда, тысячелетиями отделенные от нас, жизнь измерялась, в первую очередь, духовными, религиозными праздниками.

О, конечно, далеко не все знали в точности содержание каждого из них, но все шли в церковь, для многих, может быть, даже для большинства, праздник был прежде всего возможностью выспаться, поесть, попить, отдохнуть. И все-таки, думается, каждый чувствовал, даже если и не сознавал ясно, что праздник — это прорыв в жизнь чего-то высокого и светлого, соприкосновение с миром каких-то иных реальностей, напоминание о чем-то, что забывается и заглушается буднями, т. е. суетой и усталостью повседневной жизни.

Даже названия праздников: Введение во Храм, Рождество, Богоявление, Сретение, Преображение, даже сами эти слова — своей торжественностью, инаковостью по отношению к действительности, таинственной красотой своей о чем-то напоминали, к чему-то звали, на что-то указывали... Праздник — это был как бы вздох человека о какой-то утраченной, но манящей красоте, вздох о возможности другого.

Но теперешний мир наш стал будничным, беспраздничным — и даже прививки казенных, «социальных» праздников не устраняют этого налета пепла, грусти и разочарованности. Ибо, повторяю, сущность праздников именно в этом прорыве, подъеме — в иную реальность, в мир духовной красоты и света. Но если этой реальности нет, если по существу — нечего праздновать, то никакими искусственными подъемами праздника не создать.

Вот праздник Введение во Храм Пресвятой Богородицы. О чем он? Тема его простая: маленькую девочку родители приводят во храм Иерусалимский. Ничего необычного, в то время так поступали многие, это было общепринятым обычаем. Ибо привести в Храм — это значит жизнь ввести в соприкосновение с Богом, дать жизни конечную цель и назначение, осветить ее изнутри светом высшего опыта.

Но вот, повествует церковная служба этого дня, вводят ее туда, куда никто, кроме священников, не смел входить, вводят в место, называемое «святое святых», в таинственную, священную глубину храма. Имя этой девочки — Мария. Это будущая мать Иисуса Христа, т. е. та, через которую, верят христиане, сам Бог приходит в мир, к людям, чтобы разделить их жизнь и раскрыть божественное ее содержание.

Что это — сказки? Или тут что-то поведено и раскрыто, о чем иначе, в простых человеческих словах может быть и не скажешь, то, что прямо, непосредственно относится и к нашей жизни?

Вот был этот благолепный, тяжелый храм — слава Иерусалима. И веками люди верили, что только в нем, за тяжелыми стенами может человек соприкоснуться с Богом. Но священник взял Марию и ввел ее в самое священное место, и мы сейчас поем: *«пречистый Храм Спасов вводится в храм Господень»*. А потом, Христос сказал: *«Разружьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его»*. Евангелист прибавляет: *«а Он говорил о храме тела Своего»*.

Смысл всех этих событий, всех этих слов, всех этих воспоминаний прост: отныне храмом становится человек, отныне не камни и не алтари, а человек — его душа, его тело и вся его жизнь — вот священный и божественный центр мира,

вот его «святое святых». Один храм — живой и человеческий — входит в другой, каменный, материальный, и изнутри завершает его смысл и назначение.

Перемещается центр религии, более того — перемещается центр тяжести жизни. В мир входит учение, не ставящее ничего выше человека, ибо Сам Бог принимает человеческий образ, чтобы явить, что назначение человека, призвание его — божественное. С этого момента начинается свобода человека. Нет ничего над ним, ибо сам мир для него — дар Божий, данный ему для исполнения божественной судьбы своей.

С тех пор, что вошла Дева Мария в «святое святых», сама жизнь стала храмом. И когда празднуем мы праздник Введения во Храм, мы празднуем этот божественный смысл человека, высоту и свет его призвания. Их не стереть, не выкорчевать из человеческой памяти.

Можно без преувеличения сказать, что церковное почитание Девы Марии, Божьей Матери, выросло, как дерево из семени, из созерцания Ее у яслей, в Вифлееме, в ту для христиан единственную по своему значению ночь, когда родился Иисус Христос, когда образ Матери с Младенцем на руках стал — и навсегда остался — главным, самым глубоким, самым радостным образцом нашей веры, нашей надежды, нашей любви... Иначе говоря, все праздники, все молитвы, вся любовь, направленные на Божью Матерь, укоренены в празднике Рождества Христова.

В древности, когда еще не развился церковный календарь, единственным праздником в честь Девы Марии был второй день Рождества — 26-го декабря, день, который и доньше называется «Собором (то есть собранием) в честь Пресвятой Богородицы». Именно в праздновании христианской Церкви Рождества Христова, то есть в молитвах и песнопениях этого дня, находим мы самый глубокий пласт богородичной темы, присущей христианской вере, то есть нашего отношения к Марии, нашего восприятия как Ее образа, Ее личности, так и места Ее в нашей религиозной жизни.

Одна тема, один мотив красной нитью проходит через все празднования Рождества Христова: это переживание Матери Христовой как дара мира, дара человечества, и значит — нашего дара приходящему в мир, к человеку Бога.

«Что принесем Тебе, Христе», — спрашивает одна из рождественских молитв. И отвечает так (я привожу молитву эту в ее русской, а не церковнославянской форме): *«Все, сотворенное Тобою, встретило Тебя своими дарами. Небо дарит Тебе звезду, ангелы — пение, волхвы — приношения, пастухи — свою радость, земля — пещеру, пустыня — ясли. Мы же, люди, приносим в дар Тебе Матерь-Деву...»*

В чем глубокий смысл этого удивительного песнопения? Да в том, конечно, что мир, что все творение не только жаждут соединения с Богом, не только ждут Его пришествия к нам, но и готовят эту встречу, так что именно встреча Бога с человеком, свободная и любовная, составляет самую сердцевину христианской веры.

Для современного слуха, высушенного, вылущенного поверхностной рассудочностью, слова о небе, приносящем приходящему в мир Богу — звезду, или о земле, приносящей Ему пещеру и ясли, звучат всего лишь как поэтические мета-

форы, как поэзия, не имеющая, «как известно каждому», никакого «объективного» значения, никакого отношения к реальности. Чего наше рассудочное сознание не вмещает, так это того как раз, что именно поэзии, и может быть только ей, дано видеть, слышать и нам передавать и являть глубокий смысл, лучше сказать, глубину всякого явления, всякой реальности, ту подспудную их силу и правду, которая скрыта от маленького, самодовольного, одной лишь внешностью вещей занятого рассудка.

Небо, в дар Христу приносящее звезду! Что это значит, как не то, что все в мире, и прежде всего сам мир в своей целостности и гармонии, в самой своей природности, как бы предназначен, предопределен к явлению в нем высшего смысла, что сам мир не случаен, не бессмысленен, а наоборот: мир — и символ, и желание, и ожидание Бога.

«Небеса поведают славу Божию!» Это знает поэзия, это знает вера. И потому в Рождестве Христовом поэзия, и вера видят не только пришествие Христа, но и встречное движение к Нему мира: звезда, пустыня, пещера, ясли. Ангелы, пастухи, волхвы. И, как лучезарная сердцевина, как скрещение и полнота всех этих движений, — Мария, лучший, самый прекрасный плод, божественный цветок мироздания.

Ты даешь нам по любви Твоей Сына Твоего — как бы говорит вера Богу. Мы, в нашей любви, даем тебе Марию, Деву-Мать, чтобы Сын Божий мог стать Сыном Человеческим, быть одним из нас, и нас в себе соединить с Богом. В лице Марии совершается как бы брак Бога с миром, исполнение их взаимной любви.

Говорит Евангелие: «Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына своего единородного...» Отвечает Церковь: «Так возлюбил мир Бога, что отдал Ему ту, в чьей красоте и чистоте раскрывается глубинный смысл, глубинное содержание мира...» И потому, прежде чем начинает узнавать вера в Марии — Мать и заступницу, прежде, чем находит свою полноту почитания Ее в бесчисленных молитвах, праздниках, изображениях, до всего этого, как основание и источник всего этого, — явлена нам Божественная полнота. Божественная красота той ночи, и в самом сердце Ее ослепительный свет, исходящий от образа Матери с Младенцем на руках.

Все то, что распалось в грехе, злобе, гордости человеческой, — снова соединено: небо и земля, Бог и человек, природа и дух. Мир становится хвалой, слова — любовью и песнью, материя — даром, природа — яслями. Та любовь, которой Бог извечно возлюбил мир и та любовь, которой, на последней глубине своей, извечно любит мир Бога, соединились и исполнились и воцарились в этом образе, в образе, которого никто и никогда не смог выкорчевать из человеческой памяти, из человеческого сознания.

Вглядываясь в этот образ, радуясь ему, мы вглядываемся в единственный подлинный образ мира, жизни и человека. И, ублажая Матерь Деву, радуемся прежде всего тому, что в ней раскрылось о нас самих, о Божественной глубине, красоте, мудрости и свете мира, когда он воссоединяется с сотворившим и любящим его Богом.

В мире страшно и пусто. Одиноко. И бесконечно трудно жить. И потому так много людей ищут только того, как бы уйти от этой лжи, от этой безрадостной жизни, и погружаются — кто в беспорядочное пьянство, кто — в попытки обмануть обманщиков, выцарапать у них хоть долю самого простого, животного счастья, кто — в беспредметные мечтания. Но все это всегда, рано или поздно, оказывается тупиком, и только еще более страшным становится пробуждение и насильный возврат к постылой лямке.

Не случайно, какую бы область жизни мы ни взяли, каждая в наши дни стала «проблемой». Проблема общества. Проблема труда. Проблема пола. Проблема женщины. Проблема счастья... И стало все это проблемой потому, конечно, что, с одной стороны, готовые ответы и предписания, даваемые казенной пропагандой, уже давно развенчаны, обличены в своей лжи и пустоте, перестали быть ответами, и потому, с другой стороны, что иных ответов нет, и мы так часто не знаем — где и как их искать. И воцаряются в нашем сознании пустота и цинизм, и вот их-то и хотим мы заглушить, от них бежать.

Многие в наши дни начинают смутно сознавать, что подлинные ответы невозможны, если не прорвется человек к высшему и вечному, не обретет веры.

Но ведь и в Бога можно верить по-разному. Ведь и вера может быть тоже только уходом, только бегством, своего рода психологическим опьянением, то есть вера может быть псевдо-верой, или ложной верой. Увы, и во имя веры, во имя Бога можно ненавидеть и творить зло, разрушать, а не созидать. И не говорил ли сам Христос, что «многие придут во имя Его, и многих прельстят», и не говорил ли Христос также о том, что не всякий, говорящий Ему «Господи, Господи», войдет в Царство Божие?

Поэтому с первых же дней своих христианство не спрашивало — «веришь ли ты?» — ибо знало, что и те, которые распинали и предавали Христа, тоже во что-то и как-то верили; нет, христианство спрашивало: как ты веришь? И во что?

И вот здесь, при попытке ответить на этот основной для подлинной веры вопрос, и вырастает перед внутренним взором почти бессознательно, почти невольно, образ Девы-Матери. О, это совсем не значит, что образ этот хоть как-то заслоняет собою образ Христа или же представляет собой для веры как бы второй объект, отличный от Христа. Нет, ибо от Христа, только от Него, получаем мы этот образ как некий подарок нам, как раскрытие всего того, о чем учение, к чему — призыв Христа. Так вот, спросим себя, — в чем же его сила, в чем его помощь нам?

Мой первый ответ, возможно, удивит многих. Вот он: это образ женщины. Первый дар Христа нам, первое и самое глубокое раскрытие Его учения и призыва даны нам в образе женщины.

Почему это так важно, так утешительно, так спасительно? Да потому, что мир наш стал до конца безнадежно мужским миром. В мире нашем царят гордыня, агрессивность, в нем все сведено к орудиям власти и властвования — к производству и к орудиям производства, к соперничеству, насилию, нежеланию в чем-то уступить, где-то смириться, умолкнуть, погрузиться в тихую глубину жизни. И именно всему этому противостоит, все это обличает — одним своим присутствием — образ Девы Марии, Пречистой Матери, образ бесконечного смирения, но также и силы и красоты смирения, образ чистоты — и ее силы и красоты, образ любви — и победы этой любви.

Дева Мария, Пречистая Матерь ничего не требует — и все получает. Ничего не добивается — и всем обладает. В образе Девы Марии все то, чего почти уже не осталось в нашем мужском, гордом и агрессивном мире: сострадание, жалость, забота, доверие; про Себя Она говорит: «се раба Господня», а мы называем Ее Царицей неба и земли, Владычицей и Госпожой. Дева Мария ничему не учит, ничего не доказывает — но вот одно ее присутствие, один свет и радость этого присутствия просто снимают выдуманные, вымученные нами проблемы.

Как если бы после длинного, мучительного, разбитого дня мы вернулись домой, и все снова ясно, и все полно того никакими словами не передаваемого счастья, которое и есть единственное подлинное счастье.

Христос говорил: «Ищите прежде всего Царствия Божия». Так вот, в этой женщине — Деве, Матери, Заступнице — мы не умом, а сердцем чувствуем, что значит искать и найти Царство, и что значит жить им.

Сохранение советского мировоззрения и мягкое принуждение граждан к непрерывным развлечениям – таковы основные идеологические задачи, решаемые сегодня при помощи управления СМИ, считает культуролог Даниил Дондурей, главный редактор журнала «Искусство кино».

Сегодня человек со всех сторон окружен новостями. И не просто окружен – он вовлечен в них, проживает их в реальном времени собственной жизни и тем самым в значительной степени формируется с их помощью, наряду с тем влиянием (и подчас не уступая ему), которое оказали полученные воспитание, образование и наследственность. Правда, здесь надо добавить, что, в отличие от последних, влияние, оказанное на человека новостным потоком, не отслеживается уче-

селиние от настоящего рынка, в западном его понимании; сохраняет чувство отторжения от остального мира; поддерживает патернализм, в том смысле, что негласно запрещает людям быть самостоятельными, ответственными, учиться и уметь рассчитывать на себя. Все эти люди должны ведь постоянно «получать» подкормку от государства и жить на ней одной, понимаете? Поэтому им надо понимать, что никакой демократии в природе быть не может, это лишь красивые слова; им надо думать, что государство с подавляющим аппаратом насилия – и только оно – их главный защитник, кормилец, и так далее. Эта целенаправленная работа отменяет все идеологемы современного постиндустриального общества и держит миллионы людей, большинство населения нашей стра-

Телевизор – инструмент управления

ными и никак не замеряется специалистами. Принято, скорее, считать, что новости как часть общежизненного процесса – чересчур тотальны и неформализуемы для того, чтобы как-то выщедить их из окружающего среды и измерить их отдельное влияние на индивидуума.

Но наивно будет думать, будто средства массовой информации, занятые и производством, и воспроизводством новостной материи, работают, предоставленные самим себе и органично отражают нашу новейшую историю в совершенно свободном движении. Вдвойне неосторожно – считать, будто нет таких инстанций, которые бы не были заняты пристальным наблюдением за СМИ, а также прямым или косвенным форматированием производимого ими потока. Такие инстанции есть – их довольно много – и они вполне профессионально занимаются тем, что на их же языке называется «формированием повестки дня».

Непреходящая советская власть

– Вы занимаетесь исследованиями государственной политики в сфере прессы и вещания. Какие сдвиги происходят в этой сфере в последние годы? Можно ли проследить какие-то устойчивые тенденции или здесь множество самых разных направлений?

– Это настолько сложный, настолько важный, настолько объемный и влиятельный процесс и пространство, что здесь, мне кажется, нельзя, очень сложно говорить о каком-то одном потоке или ручье. Это бурлящий водопад.

– Применительно к которому говорить об одном каком-то направлении тоже не приходится?

– Да, но можно говорить о некоторых трендах, не более того. Мы ведь сейчас переходим в виртуальное общество, в котором интернет и телевидение, в значительно меньшей мере радио и в совсем малой – печатная продукция – являются пространствами фиксации смыслов.

– И какие отдельные тренды вы бы выделили?

– Их много. Некоторые из них постоянные, некоторые новые. Один из самых важных – это сохранение советского мировоззрения, очень важный тренд. Это мировоззрение сохраняется в самого разного рода сущностях и ориентировано на все группы общества, грубо говоря – на миллионы так называемых простых людей. И те, кто пришел из советского времени, и тех, кто его не застал, но пережил двадцатипятилетие реформ... У большинства населения страны целенаправленно сохраняется мощнейшая привязка к советскому сознанию. Это огромная и очень специальная работа чрезвычайно выгодна элитам политической и экономической власти.

– Почему?

– Потому что она решает несколько задач: отвращает на-

ны, с одной стороны, в таком вот состоянии сознания, а с другой – эта работа позволяет сохранять в неприкосновенности гигантскую непрозрачную систему экономики, делающую невозможным инвестиционный климат.

– Но разве власти и элитам выгоден такой вот скверный инвестиционный климат?

– В том-то и дело, что русский большой бизнес – олигархи и мультимиллионеры – заинтересованы в таком климате, ведь при нем они избегают здесь мировой конкуренции. Поскольку корпорации не скупают здесь заводы, банки, не привозят сюда сотни миллионов долларов, как привезли в Чехию, Словакию и так далее. Они не строят здесь общеевропейский контекст, общеевропейский рынок, общеевропейскую монетарную, банковскую, законодательную систему. Они говорят: «Россия – суверенная демократия, где все по-русски». Таким образом, благополучно сдерживается конкуренция, экономика остается непрозрачной и легко управляется, позволяя олигархам и очень богатому русскому бизнесу решать рабочие вопросы не за такую ерунду, как повышение качества труда или эффективная конкуренция, а за счет договоров с властью. Им легче договориться с властью, как это было при Иване Грозном, при Екатерине II, при Николае I... Бизнес должен договариваться – это самое важное. Благодаря этому в России «власть» и «собственность» пишутся в одно слово. Без разделения: власть есть собственность, а собственность есть власть и зависит от власти. И все это поддерживает телевизор. Поскольку, безусловно, медийная сфера намного важнее, чем все институты насилия вместе взятые. Телевизор – гораздо более важный инструмент управления страной, чем ФСБ, армия, Министерство внутренних дел и т.д., потому что он выстраивает коридоры в головах 143 миллионов человек – кроме новорожденных.

Цензура и самоцензура

– Все знают про «стоп-лист» на метровых телеканалах, когда каких-то людей не просто не приглашают на ТВ, но даже упоминать их фамилии запрещено. Какие еще есть установки, которые мы можем назвать цензурными ограничениями?

– Один из важнейших кодов российской культуры связан с тем, что она всегда двоична. Всегда есть культура официальная и неофициальная, всегда есть язык литературный и нелитературный. В России все прекрасно понимают, что то, что нельзя, на самом деле тоже можно, но за деньги – или по благу. То есть, личные и по сути феодальные отношения – ты мне, я тебе – так мы здесь обмениваемся неформальными, немонетарными услугами. И вот эта самая двоичность приводит к тому, что – в положительной части – люди очень ум-

ные: им ведь нужно по ходу решать очень много самых разных задач и успевать считывать много самых разных контекстов. Обычный зарубежный ребенок, например, знает, что очень важно что-то думать, о чем-то говорить и что-то делать. А эти вещи – думать, говорить и делать – естественно должны быть во взаимодействии. Здесь же ребенок к концу первичной социализации (это примерно 6-7 годам) прекрасно знает, что можно думать одно, говорить другое, делать третье, и иметь еще двадцать других контекстов. Все это делает наших людей очень умными. И хитрыми. Они плохие труженики, но умеют решать противоречия.

– Опыт двойных стандартов был необычайно развит еще в советское время.

– И в досоветское. И в этой связи прямого указания не снимать фильм на политические темы, возможно, не было... Но за последние двадцать лет вы не найдете ни одного фильма на темы современной политики. Ни одного игрового фильма, например, где мы бы посмотрели (как регулярно смотрят американцы), что глава администрации президента плетет заговор против президента, а президент этот заговор изобличает... Или как министр обороны что-то делает... Это было возможно только в связи Ельциным и с путчем. Все. Точка. Никогда, ни в каком контексте снимать такое нельзя. Или, например, о том, что губернаторы хотят сбросить кого-то или своего премьер-министра. Пришлите сценарий на конкурс журнала «Искусство кино»! Никто не прислал.

– То есть это уже, очевидно, элементы цензуры?

– Это элементы самоцензуры, которые являются сколом правильно понимаемых цензурных ограничений. Власть аккуратно, через как бы объективное предоставление информации объясняет и продюсерам, и художникам, и простым людям, что такое правильное поведение.

– Вы часто приводите данные статистики, которая не попадает в поле нашего внимания – о детской смертности, о случаях детского суицида, о чем-то еще. Но при этом очевидно, что суть цензурной политики, если она есть, не в том, чтобы оградить нас от так называемого «негатива». Потому что имеются и благополучно существуют передачи и даже целые каналы, которые, смакуя, транслируют, а то и производят весь этот пресловутый «негатив». То есть, дело не только в том, о чем можно говорить, а о чем нельзя, а в более тонких настройках – как именно можно говорить о том или об этом, создавая попутную иллюзию, что представлены все точки зрения.

– Конечно. Продюсеры же не получают депеши из Администрации Президента, что, предположим, лица, начиная с министерского ранга, не могут появляться в эфире в отрицательном контексте. Такого нет. Но все при этом знают, что замминистра еще может быть не очень хорошим человеком, а министр – уже нет, не может. Кто-то из больших режиссеров советского времени говорил, что цензура помогала улучшать образную систему, потому что нужно было обойти 140 поправок, и ради этого ты придумывал разные эвфемизмы, эзопов язык, тонкие намеки. Фильмы и спектакли напоминали большой торт «наполеон», где каждый считывал свой слой – кто-то видел в этом юмористическую часть, кто-то – глубокую философию. Неверно думать, что цензуры – которая официально запрещена в Конституции РФ – нет. Она есть. Но она есть то, что в современной западной политологии и в теориях массовой коммуникации называется «мягкая сила». Она не зафиксирована и существует где-то в эфире, но при этом люди точно считывают конвенции, предписания, договоренности и красные флажки, за которые нельзя заступать.

Опасность несвободной прессы

– Мне кажется, люди сегодня недостаточно понимают опасность, связанную с несвободной прессой. И отсюда относитель-

но спокойное, терпимое отношение – не образованной прослойки, а общества в целом – ко всем этим ограничениям.

– Не на всякий вопрос может быть дан прямой ответ. Но на каждый вопрос может быть много ответов. У нас сильный рост благосостояния, и не за счет какого-то прорыва, а за чет развития тех самых рыночных отношений, которые мировоззренчески – ментально и морально – давятся. Они давятся, но при этом живы и работают. Народ – при помощи «мягкой силы» – ненавидит идеи, благодаря которым сам становится богаче. Это гигантское достижение российского телевидения, позволяющее сохраняться целому политическому строю, привел когда-нибудь к огромным экономическим ловушкам.

– Отсутствует понимание того, что информационные ограничения, искусственные карты мира жизненно опасны.

– Страшно опасны. Вот в экономике, например, говорится, что не может быть огромного дефицита в бюджете. Давайте, мол, отслеживать дефицит. А в культуре этого сделать нельзя! Давайте, отвечают нам, не будем обсуждать, как она устроена, не будем травмировать людей. Как вы считаете, какой человек хороший – богатый или бедный? Конечно, бедный! Богатый – это авантюрист, наглец, аморальный. Это сохраняется из поколения в поколение, передается в школе. То есть, мы опять приходим к мягкой силе, к манипулированию. В Советское время каждый знал, что он придет домой, достанет спрятанный «Архипелаг ГУЛАГ» и прочтет. Каждый знал, что можно, что нельзя. А сегодня ты, казалось бы, можешь все читать, обо всем думать – только думать тебе почему-то не хочется.

Второй гигантский тренд (помимо сохранения советских мировоззренческих матриц) связан с тем, что система очень серьезно занимается подталкиванием населения к развлечению и удовольствиям. И вот это развлечение, удовольствие, комфорт, поездки, качественная еда заслоняют собою все. Никому сегодня даже в голову не придет на телевидении рассказывать зрителям о том и или ином поэте. О той или иной строчке этого поэта. Разве что, когда приходит какой-то день рождения... За неделю на нашем ТВ говорится о кухне в сто раз будет больше, чем за год – о Толстом, Достоевском и Чехове вместе взятых! А ведь это – единственные три русских фамилии, которые знает все человечество. Этих писателей проходят в любой школе мира – от Южной Африки до Исландии и Аляски. Эти три фамилии знает весь мир. Наверное, еще Чайковского. Но за последние годы вы не услышите на основных телеканалах страны ни одной передачи о том, что, мол, давайте-ка в 8 часов вечера поговорим о том, прав ли был Достоевский.

– Вы входите в множество советов, делаете доклады с высоких трибун, пытаетесь постоянно обратить внимание самых влиятельных лиц на все эти происходящие в обществе вещи. Как вам кажется – получается хоть что-нибудь сдвинуть?

– Дело в том, что в современной медийной палитре должно быть представлено очень много разных красок. Знаете, сегодня мода при всех министерствах, по приказу Медведева, создать общественные фонды. Всюду созданы общественные фонды. Я вхожу в четыре. Выполняю функцию этой модной краски: вот сейчас придет Даниил Борисыч и расскажет неприятные, но важные и нужные вещи. Главное, чтобы их было не много. Я выполняю отведенную мне роль юродивого. Или скомороха. Да, мне можно говорить. Они потом даже какие-то слова мои возьмут. А я-то ведь хочу поменять культурный код! И постоянно прихожу со своей солоной. И на эти наши общественные раны, тоже заранее отведенные, посыпаю солью, а они говорят, а им тоже хорошо. Потому что они пишут: «В результате острой дискуссии». А не как при райкомах.

ГОЛОСУЕМ ЗА ТЕЛЕКАНАЛ «РАДОСТЬ МОЯ» НА САЙТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРЕМИИ «БОЛЬШАЯ ЦИФРА»!

Детский образовательный семейный телеканал «Радость моя» часто называют «каналом добровещания». И это вполне заслуженно, ведь практически все программы телеканала пропагандируют духовные ценности.

Уже пять лет Детский образовательный семейный телеканал создает культурно-просветительские, образовательные и детские программы. Здесь каждый член семьи найдёт для себя много интересного и полезного.

Детский образовательный семейный телеканал «Радость моя» – активный участник выставок, фестивалей, телефорумов. Два года подряд он становился победителем Национальной премии в области многоканального цифрового телевидения «Большая Цифра». Этот конкурс замечателен тем, что

дает возможность самим зрителям проголосовать за любимый канал.

Вот и в этом году все мы имеем возможность отдать свой голос за «добровещание», за пропаганду семейных ценностей, за духовное возрождение нашей страны. И это не громкие слова. Достаточно посмотреть любой выпуск любой программы на «Радости моей», чтобы убедиться в этом.

С 1 по 15 декабря 2012 в рамках Национальной премии в области многоканального цифрового телевидения «Большая Цифра» пройдет зрительское интернет-голосование.

О правилах голосования можно узнать на сайте «Радость моя». Поспешите – до начала голосования осталось совсем немного! <http://www.radostmoya.ru/about/blog/354/>

Оксана ГОЛОВКО

Офис: коллектив против индивида?

На работе, где мы проводим большую часть жизни, человек чаще всего реагирует на коллектив, а не на собственные принципы и цели. Как же остаться собой, не потерять себя в коллективе, одновременно не вступая с ним в нарочитое противодействие?

Уровень «коллективного бессознательного»

Еще не так давно мы с одним знакомым беседовали на всевозможные философские темы, спорили по поводу музыки и классических фильмов. Последнее время с ним стало очень трудно общаться. Во-первых, для того, чтобы понять, о чем он, нужен специальный словарь. Ну вот как можно понять такую фразу: «Наш менеджер купил авоську за три ляма. Круто!» Только после объяснений я понимаю, что менеджер приобрел автомобиль Ауди А8 стоимостью три миллиона рублей. Во-вторых, вдруг появившиеся категории «круто» «не круто» в устах взрослого человека выглядят немного странно.

Побывав у знакомого в офисе, стало понятно, что это – внутренний стиль общения сотрудников между собой. Они так говорят. Они так живут.

Другая знакомая, сменив место работы, перейдя в более престижную компанию, изменилась внешне. Стала похожа на многих других «офисных девушек» с прямыми полудлинными волосами в идеально белых кофтах.

«Чем более престижная работа, тем более строгие требования внутри коллектива, например, к дресс-коду — рассказывает Юлия Малахова, журналист, которая работала в разных местах: в программе «Время», редактором отдела культуры «Российской газеты», заместителем главного редактора журнала «Столичный стиль». — Мне в этом словосочетании кажется важным слово «код». Оно указывает на внедрение в психику человека. Тот, кто попал извне в определенный коллектив, сразу начинает чувствовать себя чужаком. Например, в одном из коллективов, где я работала, принято было одеваться очень просто и очень дорого. Я себе не могла этого позволить. Стиль (и цена) одежды был очень узнаваем для

своего закрытого круга людей, для касты. Человеку, который не мог себе этого позволить, оставалось две вещи – или стремиться во что бы то ни стало быть похожими на всех, или уходить прочь».

Понятие «по одежке встречают» в России развито гораздо больше, чем за границей. Например, Юлия вспоминает, как однажды она нечаянно «отодвинула» Джорджа Сороса. «Когда я работала в программе «Время», меня попросили взять у него интервью. Я приехала к нему на встречу, вокруг было много каких-то людей, и мне все время мешал пройти мужичок в потертом старом твидовом пиджаке. В конце концов я вежливо отодвинула его и сказала: «Простите, мне нужно пройти». А потом оказалось, что это и есть Сорос. То есть люди, которые миновали уровень «коллективного бессознательного», позволяют себе быть не как все, оставаться самими собой».

На человека влияет не только принятый в коллективе стиль одежды или поведения, но и то, чем этот коллектив в данный момент увлечен, чем занимается. «У Франсуа Трюффо в каком-то из его дневников были записаны наблюдения, как меняется поведение съемочной группы в зависимости от того, о чем снимается фильм, — рассказывает Сергей Ениколопов, кандидат психологических наук. — Когда у них были разбросаны по всей площадке книги во время съемок «451° по Фаренгейту», то читали все, вплоть до пожарного. Когда они снимали фильм об адюльтере, то есть об измене, то даже самые стойкие люди в его группе начинали флиртовать».

В студенческие годы мне пришлось работать в маленькой фирме, где любого сотрудника начинали обсуждать (осуждать) сразу же, едва он выходил за дверь. По кругу. Делиться там было не принято. Даже сушки к чаю каждый приносил себе отдельно, и все ревниво смотрели, не заработал ли коллега больше денег, чем они. И интересно было наблюдать, как вливаются в коллектив новенькие. Одна девушка сразу же переняла манеру поведения коллектива, вместе с крепки-

ми словечками и ревностью к зарплате другого. А вскоре пришла другая барышня, и, словно не видя того, как живут остальные, стала приносить тортики к чаю, радоваться успехам коллег. Нет, те не изменились. Но дышать в этом коллективе стало легче.

Я такой же как ты

Кто же создает коллективную атмосферу? «Иногда она зависит от начальника, иногда — от неформального лидера коллектива, иногда это сложившаяся уже традиция, — рассказывает Сергей Ениколопов. — Попав в новый коллектив, человек даже незаметно для себя начинает меняться, и только окружающие замечают, что он в последнее время стал вести себя по-другому. И это нормально, пока не мешает самому человеку жить. Если же мешает, есть два выхода: либо работу менять, либо продолжать подстраиваться. Тогда коллектив его принимает. А если он будет иным, то коллектив может его тихо выдавить».

«Старание быть в коллективе своим, придерживаться привычек, соблюдать обряды помогает выживать более слабым, — рассуждает Юлия Малахова. — Есть два варианта: или ты мимикрируешь под среду, или остаешься самим собой, понимая, что на тебя будут обращать внимание».

Часто тон задает неформальный лидер. И его положение вовсе не зависит от статуса в трудовой. Похожее наблюдается у детей: они начинают копировать словечки, манеру поведения более сильных и успешных сверстников в коллективе — в детском саду, в классе, как бы давая сигнал: «Я тоже такой, как ты, давай будем вместе». Юлия Малахова рассказывала, как в третьем классе у них все мальчики стали подергивать шеей и кивать головой. Потому что в класс пришел очень умный и сильный мальчик, но у него была хorea — синдром, характеризующийся беспорядочными, отрывистыми, нерегулярными движениями головы.

А вот **Илья Полежаев, руководитель группы «Свободный полет»**, считает, что любые отношения в коллективе (как положительные, так и отрицательные) выстраивает начальник, так как является вершущей пирамиды. «Бывает, что какой-нибудь человек, обычно близкий к начальству, вдруг начинает подстраивать под себя коллектив — и эта ситуация не всегда положительна, — говорит Илья. — Один мой знакомый, Сергей, пришел на работу в небольшую компанию, занимающуюся продажами технического оборудования. Директором этой компании был его друг детства, и это явилось определяющим фактором в поведении Сергея. Он не обратил внимания на сложившиеся в компании отношения, а начал вести себя так, будто он находится в гостях у своего друга — легко и непринужденно. Поведение вызвало неоднозначную реакцию у коллег, поскольку люди все-таки понимают, что человек должен выполнять свою работу независимо от того, друг он или брат кому-то из вышестоящего состава. Сергей же мог переложить на кого-то свои обязанности, не реагировал на критику коллектива, так как знал, что ему за невыполнение ничего не будет, мог вовремя не прийти на работу, хамить в лицо коллегам. А ведь офис — это система совместного проживания, но Сергей это всячески игнорировал, вел себя так, словно эта система была обязана подстраиваться под него. И начальник на это никак не реагировал. Такая ситуация чревата, так как может привести к серьезному дисбалансу в коллективе, отразиться на всей его работе».

«Код» для христианина

«Психолог сказал бы, что существуют только четыре модели взаимодействия человека с коллективом — рассуждает **священник Дмитрий Свердлов**, настоятель храма св. ап. Петра и Павла в Павловском. — Первая модель — подстроиться, прогнуться под коллектив, вторая — сопротивляться, конфликтовать с ним, третья — аутическая — уйти в себя. И только четвертая модель предполагает самостоятельное, независимое от коллектива поведение, инициированное какими-то внутренними целями и задачами самого человека. В случае, если речь идет о христианине, это цели евангельские. Если человек идет по четвертому пути, то в какой-то ситуации он может действовать заодно с коллективом,

когда его собственные установки совпадают с установками коллектива. А когда-то он может войти с коллективом в конфликт — если на необходимость так поступить укажут ему его внутренние цели. А иногда он может быть «внутри себя», внешне не солидаризируясь с коллективом. В этом — проявление свободы. Но в большинстве случаев, к сожалению, человек в первую очередь реагирует на коллектив, а не на собственные принципы и цели. Но для того, кто ходит под Богом, должно быть наоборот. Бывает, что православные начинают внешне как-то противопоставлять себя светскому обществу, например, внешним видом, одеждой. Но внутренняя мотивация этого противопоставления может быть разной — один делает это напоказ, другой, — исходя из своих внутренних устремлений. Как же остаться собой, не потерять себя в коллективе, одновременно не вступая с ним в нарочитое противодействие? Универсальный механизм — это любовь. Когда человек пытается оставаться самим собой, и при этом старается жить по законам любви, он не теряет собственную самобытность и не входит в конфликт с окружающими. Люди чувствуют его доброту, понимают, что его самобытность направлена не против них. Но любовь не гарантирует человека от конфликта с обществом. Причина конфликта может корениться не в нем, не в его отношении, а в самом коллективе. Это тоже надо иметь в виду».

Многим приходится проводить на работе большую часть времени. И остаться собой, в случаях, когда это требуется, трудно. Может быть, важно что-то интересное иметь вне коллектива, чтобы у «рабочего места» было противодействие — в виде какого-то увлечения, дополнительных занятий, дружеских объединений, которые предполагают свой круг общения и иные правила. Чтобы остаться собой, не «потеряться», как герой стихотворения Саши Черного:

Все в штанах, скроенных одинаково,
При усах, в пальто и в котелках.
Я похож на улице на всякого
И совсем теряюсь на углах...

Как бы мне не обменяться личностью:
Он войдет в меня, а я в него, —
Я охвачен полной безразличностью
И боюсь решительно всего...

*Властной поступью скрипучей,
Снежные гоня тучи,
Стужей утренней пугая,
К нам зима пришла седая.
Пост Рождественский встречаем,
Славный праздник отмечаем —
Приснодевы в храм Введение
Ангелам на удивление.
Входит Богоматерь прямо
Во святое место храма
И Рождение Господне
Возвещает нам сегодня.*

Светлана Высоцкая

Заговины перед Филиповками

Отрывок из книги И. Шмелёва "Лето Господне"

Завтра заговины перед Филиповками. Так Рождественский Пост зовется, от апостола Филиппа: в заговины, 14 числа ноября месяца, как раз почитание его. А там и Введение, а там и Николин День, а там... Нет, долго еще до Рождества.

— Ничего не долго. И не оглянешься, как подкатит. Самая тут радость и начинается — Филиповки! — утешает Горкин. — Самое священное пойдет, праздник на празднике, душе свет. Заговеемся с тобой завтра, пощенье у нас пойдет, на огурчиках — на капустке кисленькой-духовитой посидим, грешное нутро прочистим. Введение вступать станет — сразу нам и засветится.

— Чего засветится?

— А будто звезда засветится. За всеношной воспоют, как бы в преддверие, — «Христос рождается — славите... Христос с небес — срящите...» — душа и воссияет: скоро, мол, Рождество!.. Так все налажено — только разумеи и радуйся, ничего и не будет скушно.

На кухне Марьюшка разбирает большой кулек, из Охотного Ряда привезли. Раскапывает засыпанных снежком судачков пыльного мороза, белопузых, укладывает в снег, в ящик. Судачки крепкие, как камень, — постукивают даже, хвосты у них ломкие, как лучинки, искрится на огне, — морозные судачки, седые. Рано судачок пошел, ранняя-то зима. А под судачками, вся снежная, навага! — сизые спинки, в инее. Все радостно смотрят на навагу. Я царапаю ноготком по спинке, — такой холодок приятный, сладко немеют пальцы. Вспоминаю, какая она на вкус, дольками отделяется; и «зернышки» вспоминаю: по две штучки у ней в головке, за глазками, из перламутра словно, как огуречные семечки, в мелких-мелких иззубринках. Сестры их набирают себе на ожерелья, — будто как белые кораллы. Горкин наважку уважает, — кру-упная-то какая нонче! — слаще и рыбки нет. Теперь уж не сдаст зима. Уж коли к Филиповкам навага, — пришла настоящая зима. Навагу везут в Москву с далекого Беломорья, от Соловецких Угодников, рыбка самая нежная, — Горкин говорит — «снежная»: оттепелью чуть тронет — не та наважка; и потемнеет, и вкуса такого нет, как с пыльного мороза. С Беломорья пошла навага, — значит, и зима двинулась: там ведь она живет.

Заговины — как праздник: душу перед постом порадовать. Так говорят, которые не разумеют по духовному. А мы с Горкиным разумеем. Не душу порадовать, — душа радуется посту! — а мамону, по слабости, потешить.

— А какая она, ма-мона... грешная? Это чего, ма-мона?

— Это вот самая она, мамона, — смеется Горкин и тычет меня в живот. — Утро-ба грешная. А душа о посте радуется. Ну, Рождество придет, душа и воссияет во всей чистоте, тогда и мамоне поблажка: радуйся и ты, мамона!

Заговины у нас парадные. Приглашают батюшку от Казанской с протодьяконом — благословит на Филиповки. Каноны такого нет, а для души приятно, легкость душе дает — с духовными ликами вкушать. Закусывают, в преддверие широкого заговенья, сижком, икоркой, горячими пирожками с семгой и яйцами. Потом уж полные заговины — обед. Суп с гусяными потрохами и пирог с ливером. Батюшке кладут гусиную лапку, тоже и протодьякону. Мне никогда не достается, только две лапки у гуся, а сегодня как раз мой черед на лапку: недавно досталось Коле, прошедшее воскресенье Маничке, — до Рождества теперь ждать придется. Маша ставит мне суп, а в нем — гусяное горло в шерявовой коже, противное самое, пупырки эти.

Подают заливную осетрину, потом жареного гуся с капустой и мочеными яблоками, «китайскими», и всякое соленье, моченую бруснику, вишни, смородину в веничках, перченые огурчики-малютки, от которых мороз в затылке. Потом — слоеный пирог яблочный, пломбир на сливках и шоколад с бисквитами.

Самая-то именинная пора Филиповки, имена-то какие все: Александра Невского, великомученицы Екатерины, — «сколько Катерин в приходе у нас, подумайте!» — великомученицы Варвары, Святителя Николая-Угодника!

Вдруг — звонок! Маша шепчет в дверях испуганно:

— Палагея Ивановна... су-рязная!.. Все озираются тревожно, магушка спешит встретить, отец, с салфеткой, быстро идет в переднюю. Это родная его тетка, «немножко тово», и ее все боятся: всякого-то насковозь видит и говорит всегда что-то непонятное и страшное. Горкин ее очень почитает: она — «вроде юродная», и ей будто открыта вся тайная премудрость. И я ее очень уважаю и боюсь попасться ей на глаза. Про нее у нас говорят, что «не все у ней дома» и что она «чуть с приглинкой». Столько она всяких словечек знает, приговорок всяких и загадок! И все говорят — «хоть и с приглинкой будто, а у-умная... ну, все-то она к месту, только уж много после в с е открывается, и все по ее слову».

И, правда, ведь: блаженные-то — все ведь святые были! Приходит она к нам раза два в год, «как на нее накатит», и всегда заявляется, когда вовсе ее не ждут. Так вот, ни с того ни с сего и явится. А если явится — неспроста. Она грузная, ходит тяжелой перевалочкой, в широченном платье, в турецкой шали с желудями и павлиньими «глазками», а на голове черная шелковая «головка», по старинке. Лицо у ней пухлое, большое; глаза большие, серые, строгие, и в них — «тайная премудрость». Говорит всегда грубовато, срыву, но очень складно, без единой запиночки, «так цветным бисером и сыплет», целый вечер может проговорить, и все загадками, прибаутками, а порой и такими, что со стыда сгоришь, — сразу и не понять, надо долго разгадывать премудрость. Потому и боятся ее, что она судьбу видит, Горкин так говорит. Мне кажется, что к т о-то ей шепчет, — Ангелы? — она часто склоняет голову набок и будто прислушивается к неслышному никому шепоту — судьбы?..

Сегодня она в лиловом платье и в белой шали, муаровой, очень парадная. Отец целует у ней руку, целует в пухлую щеку, а она ему строго так:

— Приехала тетка с чужого околотка... и не звана, а вот вам она!

Всех сразу и смутила. Мне велят приложиться в ручке, а я упираюсь, боюсь: ну-как она мне скажет что-нибудь непонятное и страшное. Она будто знает, что я думаю про нее, хватает меня за стриженный вихорчик и говорит нараспев:

— Рости, хохолок, под самый потолок!

Все ахают, как хорошо да складно, и Маша, глупая, еще тут:

— Как тебе хорошо-то насаждала... бо-гатый будешь! А она ей:

— Что, малинка... готова перинка?

Так все и охнули, а Маша прямо со стыда сгорела, совсем спелая малинка стала: прознала Палагея Ивановна, что Машина свадьба скоро, я даже понял.

Отец спрашивает, как здоровье, приглашает заговеться, а она ему:

— Кому пост, а кому погост!

И глаза возвела на потолок, будто там все прописано. Так все и отступили, — такие страсти! Из гостиной она строго проходит в залу, где стол уже в беспорядке, крестится на образ, оглядывает неприглядный стол и тычет пальцем:

— Дорогие гости обсосали жирок с кости, а нашей Палашке — вылизывай чашки!

И не садится. Ее упрасивают, умавливают, и батюшка даже поднялся, из уважения, а Палагея Ивановна села прямоком-гордо, брови насупила и вилкой не шевельнет. Ей и сижка-то, и пирожка-то, и суп подают, без потрохов уж только, а она кутается шалью натуго, будто ей холодно, и прорекает: — Невелика синица, напьется и водицы... И протодьякон стал ласково говорить, расположительно: — Расскажите, Палагея Ивановна, где бывали, чего видали... слушать вас поучительно... А она ему:

— Видала во сне — сидит баба на сосне.

Так все и покатались. Протодьякон живот прихватил, присел, да как крикнет!.. — все так и звякнуло. А Палагея Ивановна строго на него:

— А ты бы, дьякон, потише вякал!

Все очень застыдились, а батюшка отошел от греха в сторонку.

Недолго посидела, заторопилась - домой пора. Стали провозжать. Отец просит: — Сам вас на лошадке отвезу. А она и вымолвила... после только премудрость-то прознали:

— Пора и на паре, с песнями!..

Отец ей:

— И на паре отвезу, тетушка...

А она погладила его по лицу и вымолвила:

— На паре-то на масленой катают.

На масленице как раз и отвезли Палагею Ивановну, с пением «Святой Боже» на Ваганьковское. Не все тогда уразумели в темных словах ее. Вспомнили потом, как она в заговини сказала отцу словечко. Он ей про дела рассказывал, про подряды и про «ледяной дом», а она ему так, жалеючи:

— Надо, надо ледку... го-рячая голова... остынет.

Голову ему потрогала и поцеловала в лоб. Тогда не вникли в темноту слов ее... Отец-то разбился вскоре, с лошади упал.

После ужина матушка велит Маше взять из буфета на кухню людям все скоромное, что осталось, и обмести по полкам гусиным крылышком. Прабабушка Устинья курила в комнатах уксусом и мяткой — запахи мясоедные затомить, а теперь уже повывелось. Только Горкин блюдет завет. Я иду в мастерскую, где у него каморка, и мы с ним ходим и курим ладанцем. Он говорит нараспев молитовку — «воскору-у имианы-ладаны... воскору-у... исчезает дым и исчезнут... тает воск от лица-огня...» — должно быть, про дух скоромный. И слышу — наверху, в комнатах, — стук и звон! Это миндаль толкут, к Филиповкам молочко готовят. Горкин знает, как мне не терпится, и говорит:

— Ну, воскурили с тобой... ступай-порадуйся напоследок, уж Филиповки на дворе.

Я бегу темными сенями, меня схватывает Василь-Василич, несет в мастерскую, а я брыкаюсь. Становит перед печуркой на стружки, садится передо мной на корточки и шипит:

— Ах, молодой хозяин... кр-расота Господня!.. Заговелся малость... а завтра «ледяной дом» лить будем... а-хнут!..

Я вырываюсь от него, но он прижимает меня к груди и показывает серебряные часы: «папашенька подарил... за... поведение!..» Нашаривает гармонью, хочет мне «Матушку-голубушку» сыграть-утешить. Но Горкин ласково говорит: — Утихомирься, Вася, Филиповки на дворе, гре-эх!.. Василь-Василич так, на него, ладошками, как святых на молитве шипит:

— Ан-дел во плоти!.. Панкра-тыч!.. Пропали без тебя... Отмолит нас Панкратыч... мы все за ним, как... за каменной горой... Скажи папашеньке... от-мо... лит! всех отмолит!

А там молоко толкут! Я бегу темными сенями. В кухне Марьюшка прибралась, молится Богу перед постной лампадочкой. Вот и Филиповки.. скучно как...

В комнатах все лампы пригашены, только в столовой свет, тусклый-тусклый. Маша сидит на полу, держит на коврике, в коленях, ступку, закрытую салфеткой, и толчет пестиком. Медью отзванивает ступка, весело-звонко, выплясывает слово. Матушка ошпаривает миндаль, — будут еще толочь!

Я сажусь на корточках перед Машей, и так приятно, миндальным запахом от нее. Жду, не выпрыгнет ли «счастливчик». Маша миндалем дышит на меня, делает строгие глаза и шепчет: «где тебя, глазастого, носило... все потолкла!» И дает мне на пальце миндальной кашицы в рот. До чего же вкусно и душисто! я облизываю и Машин палец. Прошу у матушки почистить миндалики. Она велит выбирать из миски, с доньшка. Я принимаюсь чистить, выдавливаю с кончика, и молочный, весь новенький миндалик упрыгивает под стол. Подумают, пожалуй, что я нарочно. Я стараюсь, но миндалики юркают, боятся ступки. Я лезу под стол, собираю «счастливчиков», а блюдечко с миндаликами уже отставлено. — Будет с тебя, начистил.

Я боюсь, что это они сами уюркивают... может быть, боятся ступки... — вот они все, «счастливчики», — и показываю на ладошке. — Промой и положи.

Маша сует мне в кармашек целую горсть, чистеньких-голеньких, — и ласково щекочет мою ногу. Я смотрю, как смеются ее глаза — ясные миндали, играют на них синие зрочки-колечки... и губы у ней играют, и за ними белые зубы, как сочные миндали, хрупают. И вся она будто миндальная. Она смеется, целует меня украдкой в шейку и шепчет, такая радостная:

— Ду-сик... Рождество скоро, а там и мясоед... счастье мое миндальное!..

Я знаю: она рада, что скоро ее свадьба. И повторяю в уме: «счастье мое миндальное...»

Матушка велит мне ложиться спать. А выжимки-то? — Завтра. И так, небось, скоро затошнит. Я иду попрощаться с отцом.

В кабинете лампа с зеленым колпаком привернута, чуть видно. Отец спит на диване. Я подхожу на цыпочках. Он в крахмальной рубашке, золотится грудная запонка. Боюсь разбудить его. На дедушкином столе с решеточкой-заборчиком лежит затрепанная книжка. Я прочитываю заглавие — «Ледяной Дом». Потому и строим «ледяной дом»? В окнах, за разноцветными ширмочками, искрится от мороза... — звездочки? Взбираюсь на стол, грызу миндалик, разглядываю гусиное перо, дедушкино еще... гусиную лапку вижу, Палагею Ивановну...

Лампа плывет куда-то, светит внизу зеленовато... потолок валится на меня с круглой зеленой клеткой, где живет невидный никогда жавороночек... — и вижу лицо отца. Я на руках у него... он меня тискает, я обнимаю его шею... — какая она горячая!..

— Заснул? на самом «Ледяном Доме»? не замерз, а? И что ты такой душистый... совсем миндальный!..

Я разжимаю ладошку и показываю миндалики. Он вбирает губами с моей ладошки, весело так похрупывает. Теперь и он миндальный. И отдается радостное, оставшееся во мне, — «счастье мое миндальное!..»

Давно пора спать, но не хочется уходить. Отец несет меня в детскую, я прижимаюсь к его лицу, слышу миндальный запах...

«Счастье мое миндальное!..»

Введение пришло

Рецепты постного стола

Паста из мидий

Вкус мидий нравится далеко не всем. Но в пост они – вещь незаменимая. А избавиться от специфического морского запаха можно, например, сделав из мидий закусочную пасту, которую удобно мазать на хлеб. Такой бутерброд может стать прекрасным постным завтраком: именно утренняя трапеза вызывает у постящихся обычно больше всего трудностей. Каша, конечно, очень полезна, но питаться ею каждое утро не всем по силам. Привык современный человек к бутербродам, что поделать.

Рецепт пасты прост до предела: мидии, майонез, лимонный сок, базилик, соль – взбить в блендере.

Капустный суп

Этот суп был основой одной из самых популярных, полезных и не сдающей своих позиций на протяжении долгих лет диеты. Готовится из расчета на 6 литров. Хватить его должно на целую неделю. Половину супа авторы рецепта рекомендуют замораживать – но это кому как нравится. Чтобы с помощью этих «щей» избавиться от лишних килограммов, огонь не обязательно питаться только ими. Можно включать в дневное меню другие продукты – фрукты, овощи, каши, макароны, воздерживаясь от жирного, сладкого и мясного.

Ингредиенты: кочан капусты, 6 морковок, 6 луковиц средней величины, два красных или зеленых болгарских перца, 6 помидоров (или 700-граммовую банку консервированных или томатного пюре), 5 стеблей сельдерея, чашка коричневого (нешлифованного) риса.

Порежьте овощи относительно крупными кусками. Потушите их в течение 10 минут в 6-литровой кастрюле без крышки (или в двух кастрюлях поменьше, если такого гиганта у вас в хозяйстве нет), затем накройте крышкой и тушите до готовности (примерно час). Пока

овощи тушатся, сварите рис (это займет минут 40–45, коричневый рис готовится дольше обычного).

Когда суп будет почти готов, добавьте в него рис. И только после этого посолите и поперчите.

Рыба – карри

Ингредиенты: филе любой рыбы – 1 кг, 4–5 луковиц среднего размера (принимая во внимание, что рыба в последнее время склонна сильно уменьшаться в объеме при жарке, можно взять меньше), 2–3 зубка чеснока, кусочек стручка острого перца чили (по вкусу), помидоры – 4–5 штук, приправа карри – 1 пакетик (добавляется по вкусу, но никак не меньше половины пакетика на блюдо), соль.

Поджарьте небольшие кусочки рыбы (лучше длинненькие). Сложите их в отдельную сковородку. На другой сковородке раскалите масло. Если вы любите острое и блюдо не будут есть дети, бросьте туда кусочек острого перца чили. После того, как он поджарится, выньте, положите жарить мелко нарезанный лук. Непрерывно помешивайте, спустя 10 минут добавьте давленный чеснок, перец, соль, приправу карри (все по вкусу). Когда лук станет мягким, добавьте томат. Зимой лучше всего использовать готовые томатные пюре (не пасту!) с кусочками помидоров, их сейчас много в магазинах. В крайнем случае подойдет и кетчуп. Должен получиться достаточно жидкий соус, чуть пожи-

же, чем у бефстроганова. (В непостные дни вместо кетчупа можно положить йогурт или сметану, а вместо рыбы – птицу или мясо, лучше баранину).

Залейте соусом готовую рыбу, быстро вскипятите. Карри можно подавать на стол. На гарнир – рис и только рис! Больше ничего рядом с собой карри не потерпит.

Карри – это не растение, а смесь приправ. Состав ее может быть разным, традиционно в карри входят куркума (именно она придаст кушанью ярко-желтый цвет, а вот на вкус без добавления других приправ она не очень), кориандр, тмин, кумин, гвоздика, перец (черный, красный, душистый), кардамон, имбирь.

Морковная (тыквенная, яблочная) мини-коврижка

Ингредиенты: 1 стакан тертой моркови (тыквы, яблок), 1 стакан сахара, разрыхлитель (2/3 пакетика), соль на кончике ножа, растительное масло (2–3 столовых ложки) или маргарин, мука, сухофрукты, орехи.

Перемешайте морковь, сахар, масло и разрыхлитель. Посолите. Добавьте муку – чтобы тесто стало среднекрутым (как на сырники).

После этого положите изюм, орехи, сухофрукты – все, что захотите.

Выпекайте 1 час при температуре духовки 180 градусов. Можно готовить коврижку в ростере, тогда на приготовление уходит всего 35 минут.

Этот десерт не очень сладкий, зато богатый калориями и микроэлементами, прекрасен и в виде завтрака, особенно зимним утром.

Учредитель: Православный приход во имя прп. Серафима Саровского, 694030 г. Анива, ул. Ленина, д. 19; тел.: (42441) 5-15-77, www.aniva.prihod.ru
Главный редактор: настоятель прихода иерей Димитрий Юзеев
Редакция, дизайн, компьютерная вёрстка: Елизавета Костенко
Отпечатано Православным Приходом во имя прп. Серафима Саровского
Тираж 300 экз. Электронная версия: <http://aniva.prihod.ru/magazine>

Дорогие читатели! Газета содержит священные изображения и тексты. **Просим не использовать ее в хозяйственных целях.** Прочитанную газету можно подарить знакомым, а пришедшую в ветхость – сжечь. Предыдущие номера газеты можно почитать в библиотеке храма.